

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей
(Азиатский Музей)

MONGOLICA

Санкт-Петербургский журнал монголоведных исследований

Том XXV • 2022 • № 1

Выходит 4 раза в год

Издается с 1986 г.

Учредитель: ФГБУН

Институт восточных рукописей РАН

Посвящается 100-летию со дня рождения российского монголоведа Лидии Леонидовны Викторовой (1921–2006)

191186. Санкт-Петербург,
Дворцовая наб., д. 18
Тел.: +7 (812) 315-87-28
<http://orientalstudies.ru>
mongolica@orientalstudies.ru
kulgan@inbox.ru
dnosov@mail.ru

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС77-79202
от 22 сентября 2020 г.

Редакционная коллегия:

- И. В. Кульганек, *главный редактор, доктор филологических наук (Россия)*
Д. А. Носов, *секретарь, кандидат филологических наук (Россия)*
М. А. Козинцев, *помощник секретаря (Россия)*
Г. Билгуудэй, *доктор филологических наук (Монголия)*
А. Бирталан, *доктор наук (Венгрия)*
Р. М. Валеев, *доктор исторических наук (Россия)*
Л. С. Дампилова, *доктор филологических наук (Россия)*
И. В. Зайцев, *доктор исторических наук, профессор РАН (Россия)*
Ж. Легран, *доктор наук, профессор (Франция)*
В. Капишовска, *доктор наук (Чехия)*
С. Л. Невелева, *доктор филологических наук (Россия)*
К. В. Орлова, *доктор исторических наук (Россия)*
М. П. Петрова, *кандидат филологических наук (Россия)*
Р. Поп, *доктор наук (Румыния)*
Т. Д. Скрынникова, *доктор исторических наук, профессор (Россия)*
С. Чулуун, *академик МАН (Монголия)*
Е. Э. Хабунова, *доктор филологических наук (Россия)*
Н. Хишигт, *кандидат исторических наук (Монголия)*
Н. С. Яхонтова, *кандидат филологических наук (Россия)*

Оригинал-макет изготовлен издательством «Петербургское Востоковедение»

Литературный редактор и корректор — Т. Г. Бугакова

Технический редактор — Г. В. Тихомирова

✉ 198152, Россия, Санкт-Петербург, а/я № 2

e-mail: pvcentre@mail.ru; web-site: <http://www.pvost.org>

Подписано в печать 10.03.2022

Формат 60×90 1/8. Объем 12 печ. л. Заказ №

Отпечатано в типографии ООО «Свое издательство»,

Санкт-Петербург. 4-я линия В. О., д. 5. e-mail: editor@isvoe.ru

ISSN 2311-5939
DOI 10.25882/gssy-r235

© Институт восточных рукописей РАН
(Азиатский Музей), 2022
© Коллектив авторов, 2022

В НОМЕРЕ:

100 лет со дня рождения Л. Л. Викторовой (1921–2006) (*Редколлегия*) 5

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОРИЯ

С. В. Романова. Андрей Григорьевич Данилин как исследователь традиционной культуры алтайцев (по материалам Российского этнографического музея) 7

ФИЛОЛОГИЯ

О. К. Бабаева. Особенности перевода поэтических произведений (на примере стихотворений Д. Н. Кугультинова) 32

В. З. Церенов. О происхождении и значении имени Джангар 38

Б. Л. Митруев. Калмыцкие печати на санскрите 47

СМЕЖНЫЕ ДИСЦИПЛИНЫ

И. А. Алимов. Бюрократия в движении: китайские путевые дневники X–XIII вв. (II) 55

Ю. А. Иоаннисян. Проповеди Сайида Казима Рашти в месяц рамадан 1257 г. х.: к вопросу о «пророческих/религиозных циклах» в учении шейхитов 62

ИЗ АРХИВОВ ВОСТОКОВЕДОВ

С. С. Сабрукова. Страницы истории отечественного монголоведения из воспоминаний Г. И. Михайлова (1909–1986) 67

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

К. В. Орлова. Международная научная конференция «100 лет дипломатических отношений между Россией и Монголией: от дружественных отношений к всеобъемлющему стратегическому партнерству» 76

И. В. Кульганек. Новые книги по монголоведению 81

IN MEMORIAM

Памяти Елены Юрьевны Харьковской (1955–2021) 89

О. К. БАБАЕВА

Институт международного права и экономики им. А. С. Грибоедова

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ПОЭТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ СТИХОТВОРЕНИЙ Д. Н. КУГУЛЬТИНОВА)

В статье анализируются особенности перевода поэтических произведений на примере нескольких стихотворений Д. Н. Кугультинова, переведенных на русский язык С. Липкиным и Ю. Нейман. Асимметрия языковых картин мира, различие языковых систем диктуют необходимость прагматической адаптации некоторых лексических единиц, или выразительных средств, для достижения коммуникативной цели. Переводчики широко используют различные приемы переводческой трансформации, такие как конкретизация, экспликация, компенсация, лексико-грамматические и синтаксические замены.

Ключевые слова: прагматическая адаптация, прагматический потенциал, компенсация, экспликация, эквивалентность, синтаксический параллелизм, амфибрахий, смещенный эпитет.

Об авторе: БАБАЕВА Ольга Кукаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры перевода, переводоведения и межкультурной коммуникации, ИМПЭ им. А. С. Грибоедова (Россия, 111024, Москва, шоссе Энтузиастов, д. 21), ORCID 0000-0001-5508-7201 (olgabov97@yandex.ru).

© ИВР РАН, 2022
© Бабаева О. К., 2022

По мнению многих исследователей, перевод — это интерпретационное изложение текста на языке перевода. Н. К. Гарбовский дает переводу следующее определение: «...перевод представляет собой операцию по расшифровке смыслов, извлеченных из сообщения, созданного средствами одного естественного языка, и воспроизведения их в сообщении, создаваемом средствами другого естественного языка» [Гарбовский, 2007. С. 211]. При такой интерпретации смыслов не всегда возможно абсолютно точное их воспроизведение на другом языке, некоторые потери, обусловленные асимметрией языковых систем и языковых картин мира, неизбежны [Там же].

Переводчик рассматривает текст как целое и выбирает значимые для интерпретации смысла признаки, жертвуя менее важными деталями. Такой подход обеспечивает принципиальную «переводимость релевантной части содержания оригинала при возможных потерях, добавлениях и изменениях отдельных элементов передаваемой информации» [Комиссаров, 2002. С. 49]. Такое определение сущности перевода исключает понятие «полной тождественности» оригинала переводному тексту, а предполагает экви-

валентность, т. е. «максимально полной, но всегда частичной, передачи системы смыслов, заключенной в исходном сообщении» [Гарбовский, 2007. С. 214].

Как известно, поэтическое произведение отличается жесткой конструкцией, строгим соблюдением размера, рифмой и ритмом. Краткость и эмоционально-эстетическая насыщенность, высокая образность — характерные черты лирических произведений. Перед переводчиком стоит задача воспроизвести эквивалентное произведение средствами другого языка.

В. Н. Комиссаров выделял несколько типов переводческой эквивалентности. Во-первых, эквивалентный перевод должен обеспечить достижение коммуникативной цели. Цель поэтического произведения — эмоциональное воздействие на реципиента. Сохранение данной коммуникативной цели является необходимым условием эквивалентности перевода. Во-вторых, эквивалентная передача ситуации общения, которая может затрудняться так называемыми «ситуативными лакунами», т. е. отсутствием в языке перевода соответствующих лексических эквивалентов, объективирующих ту или иную ситуацию. Следует

также иметь в виду прагматическое воздействие высказывания при «перекодировании» текста с одного языка на другой [Комиссаров, 2002. С. 135].

В данной статье рассматривается перевод нескольких стихотворений Д. Н. Кугультинова на русский язык, выполненный Ю. М. Нейман и С. И. Липкиным. Цель статьи: проанализировать особенности выразительных средств поэтических произведений Д. Н. Кугультинова и способы достижения эквивалентности при их переводе.

Рассмотрим выполненный С. Липкиным перевод стихотворения о смерти старца, озаглавленного «Достоинство мужчины» [Кугультинов, 1977. С. 75].

В оригинале стихотворение написано с традиционной анафорической рифмой. Композиционно обе строфы стихотворения распадаются на парные дву-

Арһнь чилжэхиг, жирһл бөкжэхиг,
Аав межд герэсэн келв:
“Нег-негнэннь хөв харж
Нийһэр бээж байр үзит.
Заясн төрскн нутган батлж
Залу нерэн өөдэн бэрит!”

“Һартн, Һартн!” — гиж, тиигжәһэд,
Һарарн заңһж өвгн закв.
Цуһар цемэсн чирәһинь хэлэж
Цүврлдэд палатас цемшж һарв...
Зовлңгд авгдсн, мууһан үзүллго,
Залу кевэр көгшә бөкв.

[Кугультинов, 1971. С. 458]

Глагол *бөкх* обычно используется для описания угасания священного огня лампы. Сочетание *жирһл бөкжэхиг* создает возвышенно-печальный образ угасающей лампы жизни. В переводе этот образ опущен. Смысловое содержание строки передается описательно. Трехстопный амфибрахий придает торжественно-медлительное звучание. Калмыцкое *герэсэн келв* контекстуально означает: сказал последнее слово, завещание. Переводчик вводит добавление «*собравшимся* свой завет». Слова старца переведены антонимически «не надо ссориться, чтобы не познать кручины», тогда как в оригинале «оберегая счастье друг друга, живя в согласии, узрите счастье». Здесь наблюдается характерная для калмыцких благопожеланий синтаксическая конструкция, в которой сочетаются деепричастный оборот и глагол в повелительном наклонении. При переводе следующей строки переводчик использует некоторое семантическое перефразирование, т. к. ассоциативно-образная характеристика сочетаний *заясн төрскэн* — предопределенная, предназначенная судьбой Родина, *нутган батлж* — ‘укрепляя родину’, почти полностью соответствуют семантике русского эквивалента.

В следующей строфе оригинала старец указывает на дверь и коротко просит удалиться. Повтор глагола *Һартн, Һартн!* в повелительном наклонении с восклицательным знаком в переводе потребовал

строфия, объединенные общностью содержания. Первые две строки — экспозиция, описание ситуации. Далее четыре строки прямой речи героя, которые распадаются на двустрофия с разной тематикой. В первом из них содержится завет жить дружно, во втором — призыв служить отчизне.

Вторая строфа также распадается на три тематические группы: старец просит оставить его, гости выходят, наступает смерть старца.

Торжественно-печальное звучание оригинала создается синтаксическим параллелизмом, повтором деепричастий в постпозиции в начальной строке. Торжественность звучания, воссозданная в переводе, обеспечивается стихотворным размером — трехсложным амфибрахийем.

Почувствовав, что смерть приходит, старый дед
Сказал собравшимся последний свой завет:
«Не надо ссориться, чтобы не познать кручины,
А счастье поровну делите меж собой.
Служите родине, что вам дана судьбой, —
И сохраните вы достоинство мужчины».

Потом сказал: «Меня оставьте вы теперь!»
И властной рукой он указал на дверь.
Все стали выходить, на трудные морщины
И желтое лицо взглянув в последний раз.
Так, слабость скрыв свою от близких в смертный час,
Он умер, сохранив достоинство мужчины.

[Кугультинов, 1977. С. 75]

экспликации фразой «Меня оставьте вы теперь». Инверсия придает торжественное звучание всей фразе. И далее смещенный эпитет «властной рукой» передает семантику калмыцкого деепричастного оборота *Һарарн заңһж* — ‘рукой указывая’ и глагола *закв* — ‘приказал’. Шорох шагов людей, на цыпочках покидающих палату, передается аллитерацией шипящих согласных *ц, с, ч, ш, ж* в строках: *Цуһар цемэсн чирәһинь хэлэж / Цүврлдэд палатас цемшж һарв...* В переводе эта звукопись повторяется аллитерацией сочетаний *сл, сб, св, см*.

Глагол *бөкв* (см. перевод выше), относящийся к возвышенному стилю речи, заменяется номинативной конструкцией «в смертный час», таким образом, сохраняется торжественно-возвышенное звучание.

В оригинале старец обозначается тремя разными лексемами. В первой строфе, когда он обращается к своим родным, он обозначен *аав* — ‘дедушка’. Во второй строфе, показанный как бы со стороны, с точки зрения третьего лица, автор использует лексему *өвгн* — ‘старик’, и наконец в заключительной строке лексема *көгшә* — ‘старец’, семантически более подходящая возвышенному глаголу *бөкв*. В переводе встречаем номинатив «старый дед», здесь, возможно, «старый» несколько избыточное определение, но используется оно для удлинения строки и поддер-

жания ритма. Далее переводчик обходится местоимениями.

Сравним перевод и оригинал стихотворения о критике. Перевод выполнен Ю. Нейман. Это стихо-

Шүлгин деед, дотринь
Шүүж, йилһж шинжлхэр,
Шалһач хурц ханураар,
Шамдж үйэрнь салһв,
Шилэр икдүлж мөчмүднь
Шилтж, шигдж хэлэв.

Бүклдэн эмд шүлг
Бүлэки махн болв.
Шалһач үнрчлж өврэд
Шилэн улм өөрдүлв.
Шүлгин халун эмн
Шүүргдлго зулсинь өврв.

[Кугультинов, 1971. С. 576]

Живая душа стиха ускользает при попытке «препарировать» поэтическое произведение. Критик — *шалһач* расчленяет живую плоть стиха. В переводе словосочетание «живая ткань» конкретизирует более общее и абстрактное *деед* — ‘верх’ оригинала. В контексте лексема *деед* противопоставлена лексеме *дотринь*, которая передается полным семантическим эквивалентом — ‘нутро’. В оригинале *хурц ханураар* — ‘острый скальпель’ заменяется на «перо» в сравнительной конструкции «подобно скальпелю, перо». Помимо того что данная лексема рифмуется с «нутро», такое добавление создает ритм, удлиняя строку. В переводе строки *Шамдж үйэрнь салһв* — ‘торопливо разобрав по суставам’ эта метафора сохранена: ‘и от сустава отделив сустав’. *Шамдж* — ‘торопливо’ компенсируются ниже в сочетании «с лупой суетится». Богатый импликационал лексем *шилтж*, *шигдж* (*шилтж* — ‘внимательно смотреть’, ‘приглядываться’, *шигдж* — ‘цепляться’, ‘впиваться’, в данном случае «впиваться глазами») в функции обстоятельства образа действия к глаголу *хэлэв* — ‘осмотрел’ передается приемом смыслового развития «стал критик изучать его состав».

Сочетание *үйэрнь салһв* ‘расчленив, разделить по суставам’ и лексема *мөчмүднь* — ‘конечности’ ассоциируются в сознании носителя языка с обыденным занятием — расчленением тушки, скажем, барана. Семантика данного высказывания потребовала прагматической адаптации на языке перевода. Деловитое, суетливое препарирование «живой ткани» стихов переводчик описывает, используя прием конкретизации: «Принюхиваться, с лупой суетиться / Над каждой разъятой частицей». В следующей строфе данная метафора развивается в картинку результата такого препарирования: *бүклдэн эмд шүлг*

творение, состоящее из двенадцати строк, посвящено работе критика, тщетно пытающегося понять суть поэзии.

В живую ткань стиха, в его нутро
Воткнув, подобно скальпелю, перо
И от сустава отделив сустав,
Стал критик изучать его состав,
Принюхиваться, с лупой суетиться
Над каждой разъятой частицей.

У критика дотошного в руках
Стихи распались, превратились в прах,
В безжалостно искромсанное тело,
Душа стиха со стоном отлетела...
А критик все доказывал пространно,
Что не было в стихах души ни грана.

[Кугультинов, 1977. С. 141]

живой стих превращается *бүлэки махн болв* в груды теплого мяса. Критик буквально принюхивается *үнрчлж*, приближая лупу, и с удивлением видит как живая, горячая душа стиха *шүлгин халун эмн* ускользает из рук *шүүргдлго зулсинь өврв*. В строфе перевода наблюдаем семантическое расширение «У критика дотошного в руках». Уточнение «дотошный» продолжает компенсировать семы калмыцких деепричастий: *шүүж* — ‘выбирая’, *йилһж* — ‘отделяя, сортируя’, *шилтж*, *шигдж* (перевод см. выше) из предыдущей строфы. Метафора оригинала *бүлэки махн болв* ‘осталось грудой теплого мяса’ не сохранена, т. к. такой образ на языке перевода не окажет нужного прагматического воздействия на читателя. Для достижения художественной выразительности метафора оригинального текста компенсируется другой метафорой: «Стихи распались, превратились в прах, / В безжалостно искромсанное тело».

В оригинале горячая душа стиха ускользает из рук удивленного критика. Но в переводе «Душа стиха со стоном отлетела...». Стихотворение — «искромсанное тело» — погибает. Перевод заканчивается добавлением «А критик все доказывал пространно, / Что не было в стихах души ни грана». Такая вольность переводчика отвечает логике переводного произведения. В оригинале анализ поэтического произведения, его «препарирование» лишает любое поэтическое произведение «живой души». Переводчик несколько сужает идею оригинала, сводя к конкретному анализируемому стихотворению.

Описание творческого процесса как некой силы, довлеющей над поэтом, создается в стихотворении *Дууч* (букв.: Певец). В переводе С. И. Липкина стихотворение озаглавлено «Поэт».

Дууч

Өрчдчн седкл бүтэд
Өвдэд назаран алдрхла,
Үгмүдт сананчн күгдлэд
Урличн чидлэрн көндэхлэ,

Тер үгмидн айс
Тодрхаһар зүркндчн күнкнхлэ,
Живртэ жирһлин күнкэнэс
Жигтэ билгэрн хавлсн,

Кезэдчн сонсгдэд уга
Керсү шин уха
Күмнд байрлулад, секэд,
Келн гисн болхла, -

Хагсу цаһан цаасиг
Халта шүлгэр усл.
Хар бекин мөриг
Хурц үгэрн оньсл.

[Кугультинов, 1971. С. 231]

Стихотворение состоит из шестнадцати строк с начальной рифмой. По мысли поэта творчество — это безудержная сила, повелевающая человеком. Она зреет, переполняет душу и рвется наружу, причиняя боль. Сознание устремляется к словам, и губы невольно шепчут слова. Мелодия стиха начинает звучать в сердце. Удивительный дар поэта вылавливает мысль, рожденную гением жизни. И тогда ее можно излить на лист бумаги.

С первых же строк читатель видит напряженную работу мысли.

Семантическое напряжение создается глаголами с импликационалом силы, порывистости, движения, действия: *бүтэд*, *өвдэд назаран алдрхла* — душа задыхается, болит и рвется наружу; *алдрх* — ‘вырваться, сорваться’. Глагол *күгдлх* сразу же актуализирует образ ретивого скакуна, поскольку в сознании носителя языка данный глагол стойко ассоциируется с конем. Мысль поэта как скакун напрягается и рвется к словам. *Урличн чидлэрн көндэхлэ* — насильно заставляет шевелиться твои губы. Снова образ силы, напряжения, усилия воли.

Экспрессивность этой строфы переводчику удаётся передать глаголами «бушует», «мятется», деепричастием «бурля», прилагательными «кипучая», сочетанием «сухие губы». Наблюдается полная семантическая трансформация строфы. Имплицитный образ ретивого скакуна в оригинале заменяется в переводе образом бушующей волны — мысли, kloкочущей в груди.

Тер үгмидн айс / Тодрхаһар зүркндчн күнкнхлэ — музыка стиха отчетливо звучит / отдается эхом в сердце. В третьей строфе *зүркндчн* — «в моем сердце» заменено на «душу» как средоточие чувств и переживаний, характерное для русской лингвокультуры. Мучительный, напряженный процесс творчества выкристаллизовывает строки, которые

Поэт

Когда в твоей груди, ища созвучия,
Бушует чувство, как волна, бурля,
Когда в словах мятется мысль кипучая,
Твои сухие губы шевеля;

И, всей душою, музыкою взвихренной,
Ты ощущаешь вдохновенный дар,
И гений жизни с щедростью несслыханной
Тебе приносит новый образ в дар;

Когда с неистовым ты ищешь рвением
То вещество, что может запылать,
И дума стать готова откровением, —
Чтоб радовать людей и волновать, —

Тогда бумагу, жаждущую истины,
Ты напои, ты жизнь в нее вдохни,
Найди эпитет и глагол единственный
И строки напряженные замкни.

[Кугультинов, 1976. С. 58]

диктует сама жизнь. *Жигтэ билгэрн хавлсн* — Дар поэта вылавливает эту мысль. Образ жизни, открытой творчеством *живртэ жирһлин күнкэнэс*, где *живртэ жирһлин* (букв.: ‘крылатой жизни’) в переводе утрачен, но компенсируется экспрессивными эпитетами «взвихренной», «несслыханной».

В следующей строфе эмоционально-семантическое напряжение, накал стиха продолжает образ жаждущей стиха бумаги: *Хагсу цаһан цаасиг / Халта шүлгэрн усл* — ‘сухую белую бумагу / строгим стихом напои’. Сочетание *Хагсу цаасн* — ‘сухая бумага’, наряду с императивом *усл* — ‘напои’, навевает образ иссушенной зноем пустыни. В народной психологии бумага ассоциируется с чем-то крайне сухим и ненасытным, так как лексема *хумха* означает не только ‘засохший’, ‘увядший’, но и ‘жадный’, ‘ненасытный’. Таким образом, в строке актуализируется значение ненасытности, жажды. Отсутствие такой коннотации в русском эквиваленте возмещается перераспределением признаков и семантическим расширением «бумагу, жаждущую истины» и «ты жизнь в нее вдохни». Сочетание «жаждущую истину» — это смысловое развитие выражения *Халта шүлгэрн* — ‘строгим стихом’. Логическим следствием строгости в стихах, возможно, является верность истине.

Конечная пара строк продолжает напряженный нерв стиха: *Хар бекин мөриг / хурц үгэрн оньсл*. Дословный перевод: ‘Строчки черных чернил острым словом запри’. *Хурц* — ‘острый’ в сочетании с лексемой *үг* — ‘слово’ актуализирует значение ‘меткий, точный’. Семантическая насыщенность лексемы *мөриг* именно в данной падежной форме объясняется многозначностью данной лексемы. *Мөр* может означать: 1) путь; 2) порог: *үүднэ мөр* ‘порог двери’; ‘порог дома’; 3) *Лит.* строка: *бичгин мөр* — ‘строки письма’ [Муниев, 1977. С. 359]. Все эти значения

мотивированы лексемой *мөрн* — ‘конь’. Таким образом, в последней паре строк в лексеме *мөр* объективируются все эти значения. *Мөр* это строка, написанная черными чернилами, ее надо запереть, глагол *оньсл* актуализирует сему ‘дверь, порог’. Так же *харбек мөриг* в сознании носителя языка неизбежно вызывает образ ретивого вороного скакуна, которого надо запереть. В переводе эта образность утрачена, но переводчик передал эту мысль лексически, употребив эпитет «напряженные» в строке «и строки напряженные замкни».

Как видим, образно-ассоциативные характеристики лексем разных языков могут не совпадать, так же как и их прагматический потенциал. Тем не менее эквивалентность перевода может быть достигнута комплексными лексико-грамматическими трансформациями, семантическими и синтаксическими заменами. В некоторых случаях имплицитный смысл оригинала передается эксплицитно и наоборот. Сохранение некоторых образных средств ввиду их прагматической нерелевантности на другом языке становится невозможным. В таких случаях переводчик прибегает к приему компенсации или снятию образа. Например, имплицитное содержание деепричастий *шилтжэ, шигдэжэ* эксплицируется приемом конкретизации и в следующей строфе наблюдается

дальнейшее раскрытие признаков данных лексем. Выбор тех или иных средств перевода определяет все произведение в целом. Перевод произведения как единого смыслового целого делает возможным выбор более существенных признаков и нивелирование несущественных деталей с дальнейшим перераспределением признаков по всему тексту.

Таким образом, различные приемы переводческой трансформации делают возможным создание произведения, которое может стать достойным «репрезентантом» оригинала, по которому судят о языке, стиле, художественных образах автора оригинала. Мы помним, что Давид Никитич был истинным билингом, великолепно владевшим как родным языком, так и русским. Удивительно точная передача этноспецифических реалий в переводах произведений Кугультинова наводит на мысль, что переводы делались с очень хороших, детальных подстрочников. Конечно же, трудно переоценить талант Семена Израилевича Липкина и Юлии Моисеевны Нейман как переводчиков. Русская литература и культура обогатились произведениями многих национальных поэтов советской эпохи, таких как Расул Гамзатов, Гамзат Цадаса, Кайсын Кулиев и др., благодаря труду этих замечательных переводчиков и поэтов.

Использованная литература

Гарбовский, 2007: *Гарбовский Н. К.* Теория перевода: Учебник. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. 544 с.

Garbovskiy N. K. Teoriya perevoda: Uchebnik [Theory of translation. Textbook]. M.: Moscow University Publishing house, 2007. 544 p.

Комиссаров, 2002: *Комиссаров В. Н.* Современное переводоведение: Учебное пособие. М.: ЭТС, 2002. 424 с.

Komissarov V. N. Sovremennoye perevodovedeniye: Uchebnoye posobiye [Modern theory of translation. Textbook]. M.: ETS, 2002. 424 p.

Көглтн Дава, 1971: *Көглтн Дава.* Шүүхэд барлсн шүлгүд (Избранные стихи). Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1971. 655 с.

Kegltin Dava. Shuuhad barlsn shulgud [*Kugultinov D.* Selected verses. Elista: Kalmyk book publishing house, 1971. 655 p.].

Кугультинов, 1976: *Кугультинов Д. Н.* Собрание сочинений: в 3 т. Т. 1. Вступит. статья Чингиза Айтматова. М.: Худож. лит. 1976. 382 с.

Kugultinov D. N. Sobraniye sochineniy: v 3 t. T. 1. Vstupit. Statiya Chingiza Aitmatova [Collected works in 3 volumes. V. 1. Introduction by Chingiz Aitmatov]. M.: Khudozhestvennaya literatura. 1976. 382 p.

Кугультинов, 1977: *Кугультинов Д. Н.* Собрание сочинений: в 3 т. Т. 2: Пер. с калм. М.: Худож. лит., 1977. 494 с.

Kugultinov D. N. Sobraniye sochineniy: v 3 t. T. 2: Per. s kalm. [Collected works in 3 volumes. V. 2. Translation from Kalmyk]. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1977. 494 с.

Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. 768 с.

Kalmytsko-russkiy slovar / pod red. B. D. Muniyeva [Kalmyk-Russian dictionary / Editor: B. D. Muniyev]. M.: Russian language, 1977. 768 p.

TRANSLATION FEATURES OF THE POETRY (POEMS BY DAVID N. KUGULTINOV)

Olga K. BAVAEVA

Institute of international law and economics named after A. S. Griboyedov

The article deals with the techniques employed by the translators in the translation of poems. The difference in the two language systems and linguistic pictures of the world impose the necessity to use transformational methods such as: concretization,

explication, compensation. In some cases the translators make use of pragmatic adaptation to fully express the poet's ideas in the Russian language.

Key words: Pragmatic adaptation, compensation, explication, equivalency, syntactical parallelism, amphibrach, transferred epithet.

About the author:

Olga K. BAVAЕVA, Cand. Sc. (Philology), Assistant-professor of translation, and intercultural communication department, A. S. Griboyedov Institute of International Law and Economics (21, Entusiactov shosse, Moscow, 111024, Russia), ORCID 0000-0001-5508-7201 (olgabov97@yandex.ru).